

Глазами Бунина

Моск. Правда - 2003 - 8 июля - с. 5.

Выпущенная издательством «Захаров» книга называется «Окаянные дни», но, кроме

знаменитых записей, сделанных **И. Буниным** в дни большевистского переворота, содержит полный текст его «Воспоминаний» и посмертный сборник «Под серпом и молотом» (сколько знаю, у нас изданный впервые). Сегодня злые, резкие заметки нобелевского лауреата читаешь совсем иначе, чем пятнадцать лет назад (тогда «Окаянные дни» выходили сильно урезанными и подслащенными) и тем более тридцать лет назад (в самиздатовском варианте). Ныне они даже не воспринимаются как злые, а как точные, как взгляд умного, нормального, незамороженного тусовочными слоганами человека (а тусовки и тогда были, и диктат тусовочного мнения был еще более жесток, чем сегодня). Кроме того, если сейчас за кем и признаешь право судить, так за Иваном Алексеевичем. У него есть на это моральное и интеллектуальное право.

Кроме живых зарисовок «из жизни», то есть отвратительных для автора подробностей тех давно минувших событий, видишь: Бунин уже тогда умел понимать происходящее в контексте истории, и российской, и мировой. Хотя аналогии эти он сам осознает с некоторым как бы недоумением: «Ключевский отмечает чрезвычайную «повторяемость» русской истории. К великому несчастью, на эту «повторяемость» никто и ухом не вел. «Освободительное движение» творилось с легкомыслием изумительным». Цитирует Герцена: «Беда наша в расторжении жизни теоретической и практической». Хотя «многим было (и есть) просто невыгодно НЕ распадаться с существующим. И «молодежь», и «вшивые головы» нужны были, как пушечное мясо. Кадили молодежи, благо она горяча, кадили мужику, благо он темен и шаток. Разве многие не знали, что революция есть только кровавая игра в перемену местами, всегда кончающаяся только тем, что даже народ, если ему и удалось некоторое время посидеть, попировать и побушевать на господском месте,

всегда, в конце концов, попадет из огня да в полымя?»

Впрочем - «как они одинаковы, все эти революции! Во время французской революции тоже сразу была создана целая бездна новых административных учреждений, хлынул целый потоп декретов, циркуляров, число комиссаров, - непременно почему-то комиссаров, - вообще всяческих властей стало несметно...» Увы (далее цитирует Герцена): «Попытки французом восстановить священные права людей и завоевать свободу обнаружили полное человеческое бесилие... Что мы увидели? Грубые анархические инстинкты, которые, освобождаясь, ломают все социальные связи к животному самоудовлетворению».

Еще более современными, про нас сказанными кажутся размышления Бунина о том, «кто виноват»: «Левые» все «эксцессы» революции валят на старый режим, черносотенцы - на евреев. А народ не виноват! Да и сам народ будет впоследствии валять все на другого - на соседа, на еврея: «Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жиды на все это дело подбили».

«Часто вспоминаю то негодование, с каким встречали мои будто бы сплошь черные изображения русского народа. Да еще и до сих пор негодуют, и кто же? Те самые, что вскормлены, вспоены той самой литературой, которая сто лет позорила буквально все классы, то есть «попа», помещика, зажи-

точного крестьянина, - словом, всех и вся, за исключением какого-то «народа» - «безлошадного», конечно, молодежи и босяков».

О «народе» - самая главная мысль Бунина. Он говорит, что у нас есть два типа - «в одном преобладает Русь, в другом - Чудь, Меря. Но в том и другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, «шаткость», как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: «Из нас, как из дерева, - и дубина и икона» - в зависимости от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев. Если бы я эту «икону», эту Русь не любил, не видел, из-за чего же бы я так сошел с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто?»

Совершенно необычные у Бунина в «Воспоминаниях» Рахманинов, Релин, Толстой, Чехов, Шалапин, Горький. Не говоря уж о Маяковском и Блоке. Ну, например: «Блок нестерпимо поэтичный поэт, у него, как у Бальмонта, почти никогда нет ни одного словечка в простоте, все сверх всякой меры красиво, красноречиво, он не знает, не чувствует, что высоким стилем можно все ополжить». А вот зашел к нему В. Катаев (Бунин поясняет, что это молодой писатель): «Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: «За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...» Самое занятное, что юный циник продержался на этой позиции до старости. Имел и еду, и шляпу, и ботинки, но вряд ли обретет писательское бессмертие. А ведь очень был талантлив».

Наверное, Бунин пристрастен. Конечно, пристрастен. Но «настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша «пристрастность» будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна «страсть» только «революционного народа»? А мы-то что ж, не люди, что ли? Самое занятное, что при жизни своей Бунина объявляли пусть, да, очень талантливым, но - устаревшим, архаичным».

Татьяна БЛАЖНОВА.